

— А вотъ мы сейчасъ рассмотримъ это... Пойдемте въ рощу. Роща стояла у рѣчки, дававшей здѣсь поворотъ, и мы успѣли на берегу, подъ тѣнью старыхъ березъ. Съ другой стороны разстились луга и видна была на опушкѣ деревня.

Неплѣскинъ тѣмъ временемъ продолжалъ разсуждать.—Древній вопросъ, говорилъ онъ съ угрюмымъ видомъ:—но до сихъ поръ никто еще не рѣшилъ его. Изъ-за чего мы ссоримся и грыземся и плюемъ другъ другу въ лицо, тогда какъ, собственно говоря, всѣ одинаково жалки и только одна безпредѣльная, всепрощающая любовь могла бы уравновѣсить всемірную скорбь?

— Ммъ, компенсація? — глубокомысленно произнесъ Горностаевъ.

— Нѣтъ, другъ любезный, — отвѣчалъ тотъ: — не компенсація, а прощеніе и забвеніе. Принципъ компенсаціи, это лавочный и мѣщанскій принципъ, по которому все хорошо, если только все съ лихвой оплачено. Но есть вещи на свѣтѣ, которыя нѣтъ возможности оплатить, и есть счета, которые, если ихъ цѣлкомъ представить къ уплатѣ, сдѣлали бы весь міръ банкротомъ... Я говорю, нужна всепрощающая любовь, чтобы загладить ихъ; но такая любовь далеко не синекура. Попробуй-ка, полюби настоящимъ образомъ не весь міръ, потому что тебя не хватитъ на это, а напимѣръ, хоть вонъ эту деревню, и вѣрно тебѣ говорю, заплачешься за нее какъ никогда не плакался за себя! Воскреснуть, въ памяти у тебя, татарское иго и распри удѣльныхъ князей, воскреснуть пожары и голодовка, солдатчина, кровопійство приказной челяди, барщина, плети и кнуты!.. Прими-ка все это къ сердцу, да послѣ и поищи компенсаціи!.. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, милый, еслибы эта деревня вспомнила все, что она перестрадала за тысячу лѣтъ, какъ мы съ тобой помнимъ всѣ наши маленькія невзгоды отъ школьной скамьи, — не пѣла бы она больше пѣсень. Горло ея дѣтей пересохло бы и глаза ихъ выскочили бы изъ головы отъ ужаса!.. Забвеніе—вотъ компенсація!..

Онъ былъ не въ духѣ и, сколько мы дальше ни подбивали его, не хотѣлъ продолжать.

На памяти многихъ, теперь состарѣвшихся или погрязшихъ въ сухія заботы людей, еще живо время, когда просвѣщенная молодежь нашего общества, не смущаясь разладомъ своихъ идеаловъ съ суровою правдою жизни, вѣрила, что все можетъ сразу пересоздаться на родинѣ, и согрѣтая этою вѣрою, съ жадностью обсуждала схемы разнаго рода высокихъ, философическихъ и социальныхъ задачъ. Это была пора горячихъ юношескихъ бесѣдъ и споровъ, которые скоро послѣ реформы смолкли и кажутся намъ